

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

П. А. Паннопорт

Оборонительные сооружения — яркое и своеобразное явление в истории древнерусской культуры. Строительству таких сооружений уделялось очень большое внимание. Это объяснялось тем, что военные действия в эпоху средневековья происходили почти непрерывно. Правда, сражения большей частью имели весьма ограниченный масштаб, и в них участвовали небольшие воинские отряды. Вместе с тем они могли происходить не только на границах страны, но в любом месте и в любое время. Более или менее спокойно можно было жить лишь под защитой крепостных стен. Именно поэтому оборонительные сооружения имели такое большое значение и возводились в таком огромном количестве.

В эпоху средневековья феодал как представитель господствующего класса владел не только землей, но и укрепленным замком, что давало ему возможность подчинять себе окрестное население и не бояться столкновений с войсками соседних феодалов. Замок — одновременно жилище феодала и крепость — одно из характернейших явлений средневековья. Но укрепления строили не только отдельные феодалы; мощные крепости сооружала центральная власть феодального государства, такие сооружения имели все средневековые города, а в раннее время и многие сельские общины. Русские летописи наполнены сообщениями о строительстве городов, об их осаде и обороне. Но слово «город» в древнерусском языке обозначало не город в социально-экономическом значении этого понятия, а лишь укрепленное поселение в отличие от неукрепленного. Таким образом, под понятие «город» подпадали как собственно средневековые города, так и военные крепости, феодальные замки и даже укрепленные деревни. Все, что было окружено оборонительной стеной, называли городом. Более того, вплоть до XVII в. слово это часто относили даже к самим укреплениям, обозначая этим термином оборонительные стены.

Интерес к памятникам древнерусского военного строительства со стороны историков проявился давно. В 1858 г. вышел в свет первый том работы Ф. Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России» — первая попытка общего обзора истории древнерусского военно-инженерного искусства¹. Труд этот для своего времени был выполнен на очень высоком научном уровне. Можно было предполагать, что в дальнейших исследованиях история древнерусских оборонительных сооружений получит еще более яркую и детальную разработку. Однако этого не произошло. Все авторы, писавшие на эту тему во второй половине XIX и даже в первой половине XX в., в основном лишь повторяли выводы Ф. Ласковского. Такое своеобразное положение объясняется тем, что его работа явилась завершением опреде-

¹ Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб. 1858.

ленного этапа изучения русских оборонительных сооружений, этапа, связанного с мобилизацией письменных источников, прежде всего русских летописей. Реальные остатки памятников военного зодчества Ф. Ласковский привлекал лишь для XVI—XVII вв.; говоря же о более раннем времени, он опирался исключительно на данные летописей. Между тем основным источником для изучения древнерусских оборонительных сооружений должны были служить остатки этих сооружений — городища. Однако военные историки совершенно ими не занимались, а археологи рассматривали городища исключительно как остатки поселений, не интересуясь обычно военно-инженерными сооружениями.

Наиболее ясное представление о состоянии изучения памятников древнерусского оборонительного строительства дает глава «Крепостные сооружения» в первом томе «Истории культуры древней Руси», вышедшем более 20 лет тому назад². Автор главы Н. Н. Воронин использовал весь известный в то время археологический материал и научную литературу, относящиеся к русским оборонительным сооружениям домонгольской поры. И тем не менее он был вынужден строить изложение главным образом на основании письменных источников, лишь дополняя эти данные анализом нескольких сохранившихся каменно-кирпичных военных объектов, уникальных для Древней Руси. Что касается деревоземляных укреплений, которые в изучаемое время господствовали на Руси, то Н. Н. Воронин смог использовать лишь несколько, да и то недостаточно детально изученных памятников. Ничтожное количество исследованных объектов не давало возможности выявить развитие оборонительных сооружений, и все военное зодчество X—XIII вв. рассматривалось как нечто единое. Изучение оборонительных сооружений по данным письменных источников, подкрепленное всего несколькими примерами памятников, не позволяло раскрыть общие закономерности развития древнерусского военно-инженерного искусства, его связи с тактикой, с организацией армии и, более широко, — с социально-экономическим развитием Руси. Несколько позже, в 1952 г., сам Н. Н. Воронин писал: «Отсутствие специальных исследований отдельных памятников древнерусского крепостного зодчества определило то недопустимое положение, что до сих пор основным капитальным трудом по истории древнерусского крепостного зодчества остается книга Ф. Ласковского, вышедшая в 1858 г.»³.

Для того, чтобы успешно исследовать историю древнерусского военно-инженерного искусства или даже более узко — историю военного зодчества, оказалось необходимым начать систематическое изучение городищ, рассматривая их под углом зрения военно-инженерной проблематики. Такая задача впервые была сформулирована на археологическом совещании в Москве, состоявшемся в 1945 году. За прошедшие с тех пор 25 лет положение коренным образом изменилось. Археологи провели раскопки наиболее важных памятников древнерусского военного зодчества, таких, как укрепления Киева, Москвы, Владимира, Новгорода, Галича, Переяславля, Рязани и других. Обследована значительная часть древнерусских городищ и изучена конструкция оборонительных валов многих из них. Детальный анализ множества памятников послужил основой для более или менее обоснованных реконструкций первоначальных форм и внешнего облика древних крепостных сооружений. Это, в свою очередь, дало возможность попытаться поднять вопрос о развитии художественно-композиционных приемов древнерусской военной архитектуры. Сплошное обследование военных объектов ряда территорий привело к решению многих историко-географических вопросов и

² «История культуры древней Руси». Т. I. М.-Л. 1948.

³ «Крепостные сооружения древней Руси». М. 1952, стр. 6.

позволило более полно раскрыть общие стратегические принципы обороны различных русских княжеств.

Фактический материал по истории древнерусских оборонительных сооружений представлен теперь уже не случайными памятниками, а большими их сериями, позволяющими судить о военном зодчестве Древней Руси с достаточной степенью объективности и полноты. Это дало возможность поставить вопрос об общих закономерностях развития оборонительных сооружений и о связях этого процесса с социально-экономическими явлениями. Рассмотрение памятников военного зодчества в процессе развития позволило установить основы периодизации древнерусского военно-инженерного искусства⁴. Сравнение русских оборонительных сооружений между собой и с памятниками соседних стран показало наличие в различных районах Древней Руси местных вариантов, а также выявило общие национальные особенности древнерусского военного зодчества.

Конечно, многие вопросы, связанные с развитием древнерусского военно-инженерного искусства, не решены еще и сейчас. Так, далеко не все выяснено относительно происхождения различных плановых типов и конструкций русских оборонительных сооружений, не всегда удается четко выявить локальные группы памятников военного зодчества, лишь эскизно приходится рисовать внешний облик и конструкции полностью исчезнувших надземных частей оборонительных сооружений, так же приблизительно удается реконструировать архитектурно-художественный облик этих памятников. Однако, несмотря на наличие существенных пробелов и все еще недостаточную изученность материала, общая картина развития военного зодчества Древней Руси уже вырисовывается в настоящее время с достаточной определенностью⁵.

Наиболее ранним этапом в развитии русского зодчества является период до сложения раннефеодалного государства, то есть VIII — первая половина X века. Этот период представлен памятниками военного зодчества не на всей территории Древней Руси. В юго-восточной части, на Днепровском Левобережье, имеется большое количество остатков оборонительных сооружений того времени — городища роменско-боршевской культуры. В более западных районах подобные городища почти не встречаются, и ко времени до середины X в. здесь относится лишь некоторое количество городищ в районах, граничащих со степью (в основном на территории современной Молдавии), да немногие городища Полесья.

Роменско-боршевские городища представляют собой остатки укреплений, чрезвычайно примитивных по организации их обороны. Роль искусственных оборонительных сооружений (в основном рва и частокола) здесь очень мала, и все внимание обращено на использование естественных защитных свойств рельефа местности. Такие укрепления служили лишь для того, чтобы дать населению возможность укрепиться на короткое время вражеского вторжения. При этом подразумевалось, что враги — степные кочевники — совершенно не умеют проводить организованную осаду и могут захватывать укрепленные поселения лишь внезапным наездом (по-древнерусски «изгон», или «изъезд»). В таких условиях достаточно было иметь хотя бы самые примитивные сооружения, приспособленные к пассивной обороне. В западных районах, судя по немногим известным памятникам, укрепления в это время строили несколько иначе. Здесь известны городища, расположенные на плоской

⁴ См. П. А. Раппопорт и В. В. Косточкин. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 59. М. 1955, стр. 22.

⁵ См. П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.-Л. 1956; его же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.-Л. 1961; его же. Военное зодчество западно-русских земель X—XIV вв. Л. 1967; В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество. М. 1962.

местности и имеющие в плане более или менее правильную круглую форму. Однако и в таких укреплениях все же старались использовать естественные защитные свойства местности, а искусственные оборонительные сооружения имели незначительную мощностъ. Тактический принцип обороны здесь полностью совпал с укреплениями Днепровского Левобережья: оборонительные сооружения этого времени — средства, дающие возможность пассивно отсидеться в период кратковременного вражеского набега.

Укрепления такого примитивного типа даже в то время далеко не всегда обеспечивали безопасность населения, особенно в тех случаях, когда кочевники нападали значительной массой. Свидетельствами этого являются многочисленные городища Днепровского Левобережья, которые были сожжены печенегами в конце IX — первой половине X века.

Во второй половине или конце X в. начинается новый этап в развитии русского военного зодчества. В это время в связи с окончательным сложением раннефеодального государства появились хорошо вооруженные воинские силы, а вместе с тем и значительно большие возможности для обороны укреплений. Примерно тогда же окончательно сложилась и более организованная тактика осады — пассивная, но систематическая и длительная блокада — «облежание». Для противодействия этой системе осады начали сооружать более совершенные крепости, обладающие мощными искусственными оборонительными конструкциями и дающие возможность вести стрельбу по противнику со всего периметра укрепления. Экономические возможности для строительства таких крепостей появились лишь вместе со сложением феодального общества: для строительства княжеской крепости, укреплений средневекового города или даже боярской укрепленной усадьбы, конечно, можно было мобилизовать значительно больше рабочей силы, чем при строительстве общинных укреплений. Наиболее грандиозным примером крепостных сооружений той поры являются валы, рвы и стены «города Ярослава» в Киеве, возведенные в 30-е годы XI в. при князе Ярославе Мудром. По приблизительным подсчетам, для того, чтобы построить эту гигантскую оборонительную систему, необходимо было мобилизовать более 1 000 рабочих на срок не менее четырех лет.

На новом этапе развития военного зодчества крепостные сооружения, так же как и раньше, имеют отличительные особенности в различных районах Древней Руси. В Среднем Поднепровье, а также в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси — это исключительно укрепления мысового и островного типов, то есть полностью подчиненные естественным защитным свойствам рельефа местности. Однако в крепостях конца X и XI в. в отличие от более ранних очень большое значение приобрели искусственные оборонительные сооружения — мощные валы и срубные деревянные стены. Защитные свойства рельефа местности все еще использовались в значительной степени, но первенствующая роль постепенно перешла к искусственным частям оборонительной системы. В западнорусских землях картина была несколько иной. Здесь параллельно с укреплениями, использующими рельеф местности и имеющими в плане неправильную форму, соответствующую конфигурации этого рельефа, уже в X—XI вв. получили широкое распространение различные варианты округлых в плане укреплений, расположенных на плоской местности. Это явление объясняется тесными связями, существовавшими между западными районами Руси и западнорусскими землями, в которых круглый тип крепостей имел давние традиции. В тактическом отношении круглые крепости Западной Руси отвечали тем же военным приемам, что и крепости, расположенные на мысах или на отдельных холмах. Действительно, поскольку основным приемом взятия крепостей была в то время длительная осада — «облежание», схема обороны должна была строиться на стрельбе со всего периметра кре-

постных стен, направленной прямо вперед в сторону противника, то есть на фронтальной стрельбе. Такая стрельба не позволяла осаждающим приблизиться к укреплениям и ворваться в крепость. Но для ведения подобной стрельбы округлые в плане крепости были приспособлены в еще большей степени, чем крепости, связанные с холмистым рельефом. Такая система организации обороны, сложившись во второй половине или конце X в., продолжала господствовать в русском военно-инженерном искусстве в течение XI и XII веков. Конечно, за это время совершенствовались тактические приемы, но основные принципы не претерпели заметных изменений.

Среди всех типов оборонительных сооружений, существовавших на Руси во второй половине X и в XI в., наиболее полно отвечали тактическим требованиям той поры круглые крепости, имевшие распространение в западнорусских землях. Благодаря расположению на плоской, часто низменной местности эти крепости были гарантированы от скрытого подхода врагов и внезапного захвата. Особенно привился данный тип крепостных сооружений при строительстве боярских и княжеских усадеб, то есть феодальных замков. Это обстоятельство способствовало массовому распространению круглых крепостей в XII в. по всей территории Русской земли.

Существенные изменения в тактике осады укреплений становятся ощутимы на Руси уже к концу XII в. и особенно заметно сказываются в первой половине XIII века. Вместо пассивного «облежания» все большее распространение получает штурм — «взятие копьем». Тактика штурма, поддерживаемого действием камнеметных машин — «пороков», слагается на Руси в XIII в.: с такой же тактикой русские сталкиваются в ту пору в сражениях с поляками, венграми, немецкими рыцарями. Ту же тактику принесли и вторгнувшиеся на Русь татаро-монгольские войска.

Влияние монгольского нашествия на развитие русского военного зодчества было противоречивым. С одной стороны, оно привело к общему снижению уровня русской военно-инженерной техники, что объясняется тяжелыми последствиями монгольского вторжения. На значительной части Русской земли строительство оборонительных сооружений вообще прервалось на довольно длительный срок. Но, с другой стороны, монголы обладали детально разработанной тактикой штурма крепостей, и, хотя такая тактика начинала слагаться на Руси еще до монголов, монгольское вторжение ускорило окончательный переход к новой тактике обороны. К середине XIII в. штурм становится полностью господствующим приемом захвата укреплений. Для противодействия штурму вырабатываются новые формы организации обороны и, соответственно этому, — новые формы оборонительных сооружений.

Сведения о развитии крепостей, которыми мы располагаем для второй половины XIII в., чрезвычайно фрагментарны. На территории Среднего Поднепровья после монгольского вторжения строительство оборонительных сооружений надолго прекратилось. Не известны крепости этого времени и в северных русских землях, хотя здесь строительство или хотя бы восстановление разрушенных укреплений в ограниченных масштабах все же велось. Развитие форм военного зодчества второй половины XIII в. можно проследить пока лишь в западных районах Волыни. Здесь в то время слагается совершенно новая тактическая схема организации обороны, появляются «однобашенные крепости», то есть крепости, основным узлом обороны которых была мощная башня, большей частью расположенная не в линии крепостных стен, а внутри укрепленной территории. Такая башня в тактическом отношении представляет полную аналогию западноевропейским донжонам. Подобный тип крепостей вполне отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к оборонительным сооружениям в связи с появлением новых приемов

осады. Однако сложился этот тип на Волыни в специфических формах, связанных с влиянием военного зодчества западных соседей. Судя по последним исследованиям, в какой-то степени прием строительства «однобашенных крепостей» получил в первой половине XIV в. распространение и в Новгородской земле⁶.

Вместе с тем уже в XIII в. проявляется, а в первой половине XIV в. приобретает особое значение другая тенденция — возврат к максимальному использованию защитных свойств рельефа. Уже во время монгольского вторжения выяснилось, что монголы не смогли захватить те крепости, которые были расположены в труднодоступных местах и против которых они не смогли использовать свою военную технику — камнеметные машины. Действительно, поскольку штурм осуществлялся лишь там, где с помощью камнеметов осаждающие могли подавить стрелковую оборону защитников, те стороны крепости, где эти машины нельзя было установить близко от оборонительных стен (не далее 100—150 м), были гарантированы от штурма. Поэтому при строительстве укреплений их начали располагать на площадках, защищенных крутыми берегами рек, высокими склонами или широкими оврагами. Возможность штурма таких укреплений существовала лишь на небольшом участке их периметра, там, где не было естественных препятствий и где осаждающие могли установить камнеметы, то есть с напольной стороны. Эта наиболее опасная сторона (сторона «с приступа») делалась более укрепленной, чем остальные, и здесь же концентрировались башни. Наличие башен давало возможность вести фланкирующую стрельбу (то есть стрельбу, направленную не вперед, а вдоль крепостных стен). Именно фланкирующая стрельба была наиболее эффективным видом стрельбы в период отражения штурма, когда противник скапливался у основания оборонительных стен и пытался подняться на эти стены. Остальные стороны укрепления были приспособлены лишь для фронтальной стрельбы. В этом заключается объяснение «одностороннего» характера организации крепостей, окончательно сложившегося на Руси к середине XIV века.

Итак, есть основания полагать, что этап развития древнерусских оборонительных сооружений, начавшийся во второй половине XIII в., имел две фазы: первую, когда господствующим типом были «однобашенные крепости», но явно чувствовалось уже стремление к усилению напольной стороны, и вторую, когда окончательно сложилась «односторонняя» система обороны крепостей, обеспечивавшая фланкирующий обстрел вдоль этой напольной стороны. Начало этого этапа в развитии военного зодчества (вторая половина XIII в.) хронологически не совпадает с началом феодальной раздробленности на Руси, хотя эти явления безусловно друг с другом связаны. Появление в XII в. сильных и самостоятельных феодальных княжеств, часто воевавших одно с другим, создало обстановку, в которой могла сложиться тактика штурма, проводимого при поддержке камнеметных орудий. Сама эта тактика сложилась уже в первой половине XIII в., но в военном зодчестве она получила отчетливое отражение только со второй половины этого века.

Появление на Руси в 80-х годах XIV в. огнестрельной артиллерии на первых порах не изменило ни тактики осады, ни структуры крепостей. Правда, наряду с камнеметами при осаде и обороне теперь одновременно стали применять и пушки, но по дальности действия и эффективности эти ранние пушки еще мало превосходили камнеметы. Поэтому тактика штурма, характерная для первой половины XIV в., не изменилась. Наоборот, именно в первой половине XV в. эта тактика получила наибольшее развитие. Точно так же наибольшего совершенства

⁶ В. В. Косточкин и А. А. Драги. Костер посадника Якова в Кореле. «Памятники культуры». 4. М.-Л. 1963, стр. 18.

достигли в это время и крепости «одностороннего» типа. Однако с введением огнестрельного оружия произошли существенные изменения в конструкции башен, толщине стен, а особенно в устройстве бойниц.

Дальнейшее развитие артиллерии и особенно увеличение ее дальности привели к появлению новой тактики штурма. Пушки, поддерживавшие штурм, располагались на значительно большем расстоянии от стен крепости, чем камнеметы, и обеспечивали обстрел не с одной напольной стороны, а большей частью со всех сторон. Кроме того, обстрел преследовал теперь и иную цель — не только сбить защитные брустверы, но пробить брешь в самих крепостных стенах и открыть путь осаждающим. Естественным ответом на эту новую тактику было появление во второй половине XV в. нового типа крепостей — с башнями, равномерно расположенными вдоль всего периметра, что давало возможность защищать все стены крепости фланкирующим огнем. Наиболее совершенным выражением этой структуры были «регулярные» крепости, имеющие в плане форму прямоугольника, реже — треугольника или многоугольника. Следует отметить, что именно со второй половины XV в. на Руси начали достаточно широко применять каменно-кирпичные крепости. В более раннее время все русские оборонительные сооружения, как правило, были деревянными; каменные крепости в XIII—XIV вв. были известны только в Новгородской земле и в Западной Волини.

Массовое производство пушек и широкое внедрение огнестрельной артиллерии в армии как для осады, так и для обороны крепостей оказалось возможным на Руси лишь с формированием централизованного государства. Таким образом, новый этап развития военного зодчества, начавшийся во второй половине XV в., отвечает уже эпохе Русского централизованного государства.

Изучение оборонительных сооружений, их территориального размещения и боевого использования позволяет выяснить хотя бы в самых общих чертах стратегические принципы организации обороны древнерусского государства и отдельных русских земель.

Раннефеодальное государство на Руси сложилось в таких географических условиях, что значительная часть его территории, многие политические центры, в том числе и стольный город Киев, были расположены в полосе лесостепи и доступны набегам степных кочевников. Поэтому организация обороны южнорусских земель со стороны степи была важнейшей военно-политической задачей Киевской Руси. Но создать на границе со степью непрерывную оборонительную линию, защищаемую специальным гарнизоном или хотя бы сторожевыми постами, было невозможно: административный аппарат раннефеодального государства не мог справиться с подобной задачей. Предположение, что в X—XI вв. Русская земля была прикрыта с юга пограничными линиями, остатками которых являются так называемые Змиевы валы, оказалось ошибочным. Змиевы валы в действительности являются памятниками, относящимися к эпохе раннего железа и не имеют отношения к Древней Руси.

Единственной реальной возможностью инженерного укрепления южнорусских границ в эпоху раннефеодального государства было строительство укрепленных поселений — городов (в древнерусском значении этого слова). Во время вражеских вторжений в такие укрепления мог собраться население не только самого поселения, но и близлежащих деревень. При этом укрепленные поселения играли и более важную стратегическую роль. Расположенные на удобных путях подхода к жизненно важным центрам Южной Руси, эти городки затрудняли набег кочевников, а иногда делали их вовсе невозможными. Даже если степняки и совершали в таких условиях нападение, они не проникали далеко в глубь русской территории, так как всегда могли ожидать удара с тыла из не захваченных ими русских городов. Поэтому киевские князья при

давали очень большое значение строительству крепостей в южных районах Руси. Археологические и летописные источники говорят о большом размахе такого военного строительства при Владимире Святославиче и Ярославе Мудром⁷.

Существенное изменение военной обстановки в южных районах Руси произошло во второй половине XI в., когда в степях появились новые враги — половцы. К концу XI в. натиск половцев настолько усилился, что южные границы Руси оказались заметно отодвинутыми к северу. Множество русских поселений на всей территории лесостепи, жизнь в которых прекратилась в конце XI в., свидетельствует о гораздо более значительной роли половецкого вторжения, чем это можно было предполагать на основании письменных источников⁸. Угроза опустошения половцами всей Южной Руси вызвала со стороны русских князей стремление объединить силы для отпора. С этим связаны княжеские съезды, а затем «единодержавие» Мономаха и его сына Мстислава.

После разгрома половцев Мономахом напряженная обстановка в Южной Руси несколько разрядилась и началось обратное продвижение русского населения к югу. В Поднепровье были восстановлены русские крепости вплоть до устья Сулы и Поросья, а западнее — до верховьев Южного Буга. Однако некоторые районы на границе со степью так и не были вновь заселены русскими, а остались в руках кочевников.

В южнорусских районах для защиты от половцев создавали заслоны из посаженных в крепостях Поросья союзных Руси кочевников (черные клобуки) и выставляли на границу со степью сторожевые отряды (былинные «богатырские заставы»). Одним из важнейших элементов обороны было также строительство во всей полосе лесостепи крепостей, заселенных специальными гарнизонами. Крепости такого типа возводились по заранее намеченному плану и имели жилые и хозяйственные постройки, связанные с конструкцией оборонительных валов. Жители подобных крепостей были свободными воинами-земледельцами, по-видимому, близкими по своей социальной природе позднейшему казачеству. В XII в. процесс феодального дробления Руси привел к тому, что задачи защиты территории каждого отдельного княжества стали решаться самостоятельно, а не в общегосударственном масштабе.

Образование на Руси множества самостоятельных княжеств привело к необходимости создавать укрепленные рубежи не только на внешних границах Руси, но и между отдельными русскими землями. В силу конкретных исторических условий такое укрепление границ в одних случаях имело ярко выраженный характер, в других оно почти не прослеживается. Особенно заметно укрепление границ между княжествами в XIV в. и главным образом там, где эти границы имели более или менее стабильный характер. Очень сильно была, например, укреплена граница Тверского княжества, обращенная в сторону Москвы. В то же время существовали и границы, совсем не имевшие инженерных укреплений; так, не было никаких городов на новгородско-псковском порубежье, не была укреплена граница Новгородской земли со стороны Московского княжества. Однако даже в период расцвета феодальной раздробленности укрепление внешних границ везде имело большее значение, чем укрепление границ между княжествами. Так, в XII и XIII вв. были хорошо укреплены западные рубежи Галицкой и Волынской земель, а в XIV—XV вв. особое внимание уделяли строительству многочисленных новгородских и псковских крепостей на границах с Литвой и Орденом.

Характер укрепления границ вплоть до XV в. оставался прежним: это были отдельные крепости, расположенные в наиболее выгодных для

⁷ См. Б. А. Рыбаков. «Застава богатырская» на Стугне. «Города феодальной России». Сборник статей. М. 1966, стр. 90.

⁸ См. П. А. Раппопорт. Из истории Южной Руси XI—XII вв. «История СССР», 1966, № 5, стр. 113.

обороны местях. Переход к созданию непрерывных пограничных линий (засечная черта) относится уже ко времени сложения Русского централизованного государства.

В эпоху раннего средневековья создание простых, экономичных и в то же время надежных оборонительных сооружений было задачей, от успешного разрешения которой зависела не только сохранность имущества людей, но и их жизнь. Поэтому уже на довольно ранних этапах у восточных славян сложились свои устойчивые военно-инженерные традиции, несколько отличные в каждой племенной группе, но в конечном итоге имеющие задачу наиболее выгодно использовать в целях обороны характерные для данного района ландшафтные условия.

Позднее, после того как сложилось и упрочилось древнерусское государство, а особенно с наступлением феодальной раздробленности, сходство и различия в устройстве оборонительных сооружений стали определяться уже не племенными традициями, а политическими факторами. Строители укреплений — городники — были не ремесленниками, а военно-инженерными специалистами, представителями княжеской администрации. Поэтому в развитии военного зодчества существенное значение приобретают политические тенденции, характерные для того княжества, на территории которого возводили укрепления. Впрочем, в оборонительном строительстве определяющим всегда была функциональная целесообразность: князья могли враждовать друг с другом, но крепости строить одинаково, если этот тип крепостей был для данного времени наиболее совершенным. Поэтому связь типов и конструкций оборонительных сооружений с политическими тенденциями все же никогда не была такой тесной, как в культовой архитектуре.

Процесс феодальной дробления Руси на первых порах не вызвал появления местных «школ» военного зодчества. Наоборот, в XI в. различия между местными вариантами оборонительных сооружений сглаживаются. Явно выраженная «школа» военного зодчества в XII в. сохраняется лишь в Галицкой земле, а в начале XIII в. слагается небольшая, но очень своеобразная «школа» на пограничье Галицко-Волынского и Киевского княжеств, в так называемой Болоховской земле. В XII — XIII вв. процесс нивелирования местных особенностей продолжался, но во второй половине XIII в. положение существенно изменилось. После монгольского нашествия пути развития военного зодчества Галицко-Волынской Руси и остальных русских земель разошлись. В XIV в. четко выявились различия военно-инженерных «школ» Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. В создании различных вариантов оборонительного строительства, помимо особенностей социального строя и местных традиций, существенную роль играли и внешнеполитические условия — характер организации армии и вооружение тех врагов, для защиты от которых данные сооружения возводились.

Изучение истории военного зодчества и взаимосвязей, существующих между эволюцией оборонительных сооружений и социальными явлениями, показывает, что, подобно всем прочим сторонам общественной жизни, военное зодчество своим развитием обязано изменению уровня производительных сил и производственных отношений. Правда, связь между этими явлениями далеко не всегда непосредственная, чаще всего она сказывается через общие социальные и политические изменения, вызывающие изменения в структуре армий и способах ведения войны. Однако поскольку эта связь существует, то история развития оборонительных сооружений в конечном счете отражает историю государственности.